

Н. И. Костомаров

История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

Глава 13 Царевна Софья

События, последовавшие по смерти царя Федора, резко бросаются в глаза своим несходством с прежними явлениями исторической жизни в России. В главе правления стала девица; событие небывалое до того времени на Руси. Но не следует видеть в нем признака коренного изменения понятий, господствовавших в России; событие это совершилось само собою вследствие того, что царская семья очутилась в таких условиях, в каких не была прежде. Царские дочери до тех пор жили затворницами, никем не видимые, кроме близких родственников, и не смели даже появляться публично. Это зависело, главным образом, от того монашеского взгляда, который господствовал при московском дворе и дошел до высшей степени силы при Романовых. Боязнь греха, соблазна, искушения, суеверный страх порчи, и сглаза — все это заставляло держать царевен взаперти. Величие их происхождения не допускало отдачи их в замужество за подданных, а отдавать их за иностранных принцев было трудно, потому что тогдашнее благочестие приходило в соблазн при мысли о брачном союзе с неправославными. Надобно заметить, что вообще уединение женщин, а в особенности девиц, господствовавшее в высшем классе московских людей, исходило не из народных обычаев и не было тем гаремным положением женского пола, на которое он осужден на Востоке; оно происходило из опасения греха и соблазна, истекало из того благочестия, которое считало монашество высшим богоугодным образцом жизни и признавало нравственным долгом каждой христианской души приближаться к этому образцу. Теремное удаление женщин от общества могло быть то строже, то слабее, смотря по тому, в какой степени круг, в котором они жили, подчинялся такому монашескому взгляду. Где более было желанья, чтоб дом походил на монастырь, там от женщины, ради сохранения ее целомудрия, не только телесного, но и душевного, требовали строгого затворничества, где, напротив того, меньше к этому стремились, там и женщина была менее связана. Притом же ум всегда очень уважался на Руси; и умной личности женского пола не трудно было заявить себя, если только в том семейном кругу, в котором она находилась, ослабнут связывавшие ее путы монашеских приличий. Дочери царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, людей крайне набожных и строго соблюдавших всякую мелочную обрядность благочестия, естественно, были осуждены на теремное заключение при жизни своих отцов и выходили только в церковь. Постоянный строгий надзор тяготел над ними. Но со смертью Алексея Михайловича этот надзор прекратился. Мачехи они не терпели и притом не считали себя нравственно обязанными повиноваться еще слишком молодой женщине. Старший брат Федор был в таком состоянии, что не только не мог присматривать над сестрами, а сам нуждался в присмотре и уходе; другой брат, Иван, был молод и слабоумен, о Петре и говорить нечего, потому что он был еще ребенок. Шестеро царевен очутились на полной свободе, могли вести себя, как угодно; по их сану никто из подданных не смел им перечить. Некоторые из них воспользовались своей свободой только для того, чтобы наряжаться в польское платье или же для того, чтобы заводить

любовные связи; но третья из них по возрасту, Софья, хотя также вела далеко не постную жизнь, но отличалась от других замечательным умом и способностями. Она более своих сестер приблизилась к Федору и почти не отходила от него, когда он страдал своими недугами; таким образом, она приучила бояр, являвшихся к царю, к своему присутствию, сама привыкла прислушиваться к разговорам о государственных делах и, вероятно, до известной степени уже участвовала в них при своем передовом уме. Ей было тогда за 25 лет. Иностранцам она казалась вовсе не красивою и отличалась тучностью; но последняя на Руси считалась красотою в женщине.

Смерть царя Федора с первого же разу возбудила важный вопрос: кто будет царем? Положение было почти такое же, как по смерти Грозного. Из двух царевичей, старший Иван был слабоумен, болезнен и вдобавок подслеповат, младший Петр был десяти лет, но выказывал уже необычайные способности. Возведение Ивана на престол повлекло бы за собою на все время его царствования необходимость передать правление в чужие руки и, естественно, прежде всего, усилило бы значение власти Софьи, как самой умной из особ царской фамилии. Избрание Петра потребовало бы также боярской опеки на непродолжительное время. Нужно было решить вопрос тотчас же, и вот, в самый день смерти Федора, как только удар колокола возвестил Москве о кончине царя, бояре сехались в Кремль. Между ними большинство уже было на стороне Петра; главными руководителями его партии были два брата Голицыных, Борис и Иван, и четверо Долгоруких (Яков, Лука, Борис и Григорий), Одоевские, Шереметевы, Куракин, Урусов и др. Бояре эти прибыли на совет даже в панцирях, опасаясь смятения. Бывший любимец царский, Языков, не выказывал явного расположения ни к той, ни к другой стороне.

Патриарх Иоаким, как самое почетное лицо после царя, председательствовал в этом совете духовных и светских сановников и держал к ним речь о необходимости немедленного выбора между двумя братьями умершего бездетного царя — «скорбным главою» Иоанном и отроком Петром. Он спрашивал: кого желают избрать царем? Совет разделился; большинство было за Петра, некоторые поддерживали право первородства царевича Ивана. Чтобы прекратить недоумение, патриарх предложил совершить избрание царя согласием всех чинов Московского государства.

Немедленно созваны были на Кремлевскую площадь служилые, всякого звания гости, торговые, тяглые и всяких чинов выборные люди.

За несколько месяцев перед тем, в декабре 1681 года, царь Федор указал созвать земский собор «для уравниения людей всякаго чина в платеже податей и в отправлении выборной службы». Выборные люди были тогда налицо в Москве и могли явиться по зову патриарха для выбора царя немедленно в Кремль именно потому, что уже находились в Москве по другому делу.

Выборные люди были спрошены с Красного крыльца патриархом в таком смысле:

«Изволением и судьбами Божьими, великий государь царь Федор Алексеевич всея Великия, и Малыя, и Белыя России, оставя земное царствие, переселился в вечный покой. Остались по нем братия его, государевы чада: великие князья Петр Алексеевич и Иоанн Алексеевич. Кому из них быть преемником? Или обоим вместе царствовать? Объявите единодушным согласием намерение свое перед всем ликом святительским, и синклитом царским, и всеми чиновными людьми».

Неудивительно, что все чины Московского государства высказались в пользу Петра. Слабоумие Ивана было всем известно. Вероятно, многим также известны были и проблески необыкновенных способностей младшего царевича. Выборные закричали:

«Да будет единый царь и самодержец всея Великия, и Малыя, и Белыя России царевич Петр Алексеевич!»

Но раздалась и противные голоса. Главным крикуном был дворянин Максим Исаевич Сумбулов. Он начал доказывать, что первенство принадлежит Ивану Алексеевичу. Его поддерживали немногие, особенно из стрельцов. Патриарх снова сделал вопрос: «Кому на престоле Российского царства быть государем?»

Раздались было снова голоса в пользу Ивана, но их покрыл громкий крик:

«Да будет по избранию всех чинов Московского государства великим государем царем Петр Алексеевич».

Новоизбранный царь находился в это время в хоромах, где лежало тело Федора. Патриарх и святители отправились к нему, нарекли царем и благословили крестом, а потом посадили на престоле, и все бояре, дворяне, гости, торговые, тяглые и всяких чинов люди принесли ему присягу, поздравляли его с восшествием на престол и подходили к царской руке.

Тяжело это было царевне Софье, но и она, вместе с сестрами, должна была подходить к Петру и поздравлять с избранием на царство сына ненавистной мачехи.

Во все концы Московского государства отправлены были гонцы приводить к присяге народ. Послали звать Матвеева в Москву.

На другой день отправлялось погребение Федора. Труп царя несли стольники в снях, а за ним в других снях несли молодую вдову Марфу Матвеевну. Софья только одна из царевен, в противность обычаю, шла за гробом, рядом с Петром, которому одному, как царю, следовало присутствовать при погребении по тогдашнему церемониалу. Софья так громко голосила, что покрывала вопль целой толпы черниц, которые по обряду должны были причитывать над умершим. По окончании погребения Софья, возвращаясь домой, всенародно вопила и причитывала: «Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравой от врагов. Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям...»

Народ был сильно встревожен словами Софьи; и особенно озадачен был обвинением когото в отравлении царя.

В тот же день начались пререкания у Софьи с царицею Натальею. Петр, не дождавшись конца длинного обряда погребения царя, простился с мертвым братом и ушел. Софья, вернувшись во дворец, послала от имени всех сестермонахинь упрекать царицу Наталью: зачем молодой царь ушел до окончания погребения. «Дитя долго не ело»,— отвечала Наталья Кирилловна: брат ее Иван Нарышкин при этом сказал: «Кто умер, тот пусть лежит, а царь не умер».

Нарышкины тотчас подняли голову, особенно этот самый молодой Иван Кириллович, недавно вернувшийся из ссылки; он начал высокомерно обращаться с боярами и хотел разыгрывать роль правителя государства за малолетством царя. Все видели и замечали, что, по молодости лет, это ему вовсе не пристало.

Казалось, трудно было оспорить законность царствования Петра, царского сына, избранного волею земли. Нарушение народной воли могло совершиться только путем бунта, и для этого в Москве нашелся готовый, горючий материал. В царствование Алексея Михайловича, как мы уже говорили, во времена беспрестанных бунтов, стрельцы были верными охранителями царской особы. Царь ласкал их преимущественно перед другими служилыми людьми. Они получали лучшее против других жалованье, не участвуя в тягле, могли свободно заниматься торговлею и промыслами, даже богатый наряд их показывал особую благосклонность к ним царя: их кафтаны украшались разноцветными, шитыми золотом перевязями, на ногах были у них цветные сафьянные сапоги, а на головах бархатные шапки с собольими опушками. Царские милости и отличия привели их, однако, скоро к тому, что они начали зазнаваться и неохотно терпели то, что безропотно сносили все русские люди того времени. Их начальники обращались с ними так, как вообще в то время обращались начальники с подчиненными: посылали их работать на себя, заставляли покупать на собственный счет нарядную одежду, которая должна была им идти от казны, удерживали их жалованье в свою пользу, били батогами, переводили против воли из города в город и т.п. Еще зимою, при жизни Федора, стрельцы подали жалобу на своих начальников, но **Иван Максимович Языков**, который разбирали эту жалобу, приказал

перепороть кнутом челобитчиков. В апреле, за несколько дней перед смертью царя, целый полк бил челом на своего полковника **Семена Грибоедова**, что он своих подчиненных обирает, бьет, посылает на себя работать и т.п. На этот раз Языков, разобрав дело, приказал Грибоедова посадить в тюрьму, а вслед за тем Грибоедов, по царскому указу, лишен полковничьего чина, вотчин и сослан в Тотьму. По воцарении Петра, стрельцы смекнули, что теперь на «верху» будут в них нуждаться, и 30 апреля подали челобитную разом на всех своих полковников, числом шестнадцать, кроме того, на одного генерал-майора **солдатского Бутырского полка**; вместе с тем они грозили, что расправятся сами, если им не учинят правосудия. Бояре, заправлявшие тогда делами, боялись раздражить выходящую из терпения вооруженную толпу и думали привязать к себе стрельцов уступчивостью: они дали челобитчикам обещание отставить полковников и тотчас велели посадить этих полковников под стражу в **Рейтарском приказе**, но стрельцы требовали выдачи их головою для расправы им самим и не довольствовались обещанием наказать виновных по розыску. Патриарх хотел во что бы то ни стало предупредить самовольную расправу стрельцов над своими начальниками, так как она могла послужить примером и поводом всеобщего неуважения к власти; патриарх отправил по всем полкам духовных лиц уговаривать, чтобы стрельцы ничего не делали своим полковникам и ожидали царской расправы. Стрельцы соглашались предоставить расправу правительству, но единогласно требовали, чтобы с виновных взысканы были взятые ими неправильно поборы и чтобы, кроме того, они были наказаны батогами.

На следующий день, первого мая, удалены были из дворца Языков с сыном и **Лихачевы** с их друзьями. Это было сделано, с одной стороны, в угоду стрельцам, с другой — оттого, что Нарышкины не любили их. Вместо отставленных стрелецких полковников, назначены были другие, угодные стрелецкому кругу, а обвиненных вывели перед Рейтарским приказом для наказания и правежа. Стрельцы подавали на них счета. Им верили на слово без всякого исследования. Сначала полковников одного за другим, раздевши, «кляли на землю», и в присутствии целой толпы стрельцов двое палачей били их батогами до тех пор, пока стрельцы не закричат «довольно». Тех, на которых особенно были злы стрельцы, кляли по два и по три раза; другим досталось меньше. Это было собственно наказание; затем следовал правеж, продолжавшийся целых восемь дней. Несчастных полковников били ежедневно два часа по ногам до тех пор, пока они не заплатили того, что на них насчитывали; в заключение их выслали из Москвы.

Нарышкины и их сторонники потачкою, данную стрельцам, сами, так сказать, разлакомили их к самоуправству и заохотили к бунтам. Теперь стрельцам все стало нипочем. Они толпами ходили по улицам, грозили боярам, дерзко обращались со своими начальниками, а некоторых даже сбросили с каланчи. Тут-то сторонники Софьи нашли удобный случай обратить разнузданное войско для перемены правительства. Выборные люди, избравшие Петра на царство, 6 мая, были распущены; собор об уравнивании податей и служб был отсрочен. Быть может, это сделалось по козням тех, которые замыслили переворот. Трудно решить, в какой степени сама Софья заправляла этим делом, но она, без сомнения, знала о замысле поднять стрельцов, составленном ее благоприятелями. Главными зачинщиками были: боярин Иван Михайлович Милославский, двое Толстых и князь Иван Хованский, прозванный «тараруем». Хованский, призвав к себе одного за другим влиятельных стрельцов, говорил им: «Видите, в каком вы теперь ярме у бояр; а кого царем выбрали? Стрелецкого сына по матери; теперь уже не дают вам ни платья, ни корму, а что дальше будет? Станут отправлять вас и сынов ваших на тяжелые работы, отдадут вас в неволю постороннему государю. Москва пропадет; веру православную искоренят. С королем польским вечный мир постановили **по Поляновскому договору! От Смоленска откликлись**... Теперь пусть Бог наш благословит защищать отечество наше: не то что саблями и ножами, зубами надобно кусаться...» Такие подушения начали распространяться между стрельцами; какая-то малороссиянка, Федора Родимица, шаталась между ними и раздавала деньги от имени Софьи. Из новопоставленных

стрелецких начальников некоторые ходили тайно к боярину Милославскому, который тогда притворился больным и никуда не выходил из дому, и сделались горячими сторонниками предполагаемого переворота. Из этих стрелецких начальников более всех действовал тогда **подполковник Циклер**. Возмутители волновали стрельцов рассказами о том, будто бы Нарышкины намерены произвести розыск над стрельцами, которые силою истребовали наказание своим начальникам; будто бы зачинщиков хотят казнить, других рассылать по городам и вообще забрать стрельцов в крепкие руки.

День ото дня возрастало между стрельцами волнение, при помощи распространяемых всякого рода слухов и сплетен. 11 мая приехал в Москву Артамон Сергеевич Матвеев. Зная, какая роль ожидает его при новом царе, все спешили к нему с поздравлением, и сами стрельцы поднесли ему хлебсоль. Артамон Сергеевич с первого же разу высказал неодобрение последних действий правительства. Он был недоволен уже и тем, что братьев царицы Натальи слишком рано по их летам возвели в высшее достоинство: один из них, Иван, был сделан боярином и оружничим, достигнувши едва 23летнего возраста. Но еще более порицал Матвеев крайнюю слабость, выказанную по отношению к стрельцам, и говорил: «Они таковы, что если им хоть немного попустить узду, то они дойдут до крайнего бесчинства...» Слова эти тотчас стали известны между стрельцами, и Матвеев сделался у них врагом. Два дня спустя, 14 мая, стала ходить между стрельцами такая сплетня: брат царицы Натальи, Иван, надевал на себя царский наряд, садился на трон, примеривал на свою голову царский венец и говорил, что он ему идет лучше, чем комунибудь другому; вдова царя Федора Марфа Матвеевна, царевна София и царевич Иван стали его за это укорять, а он бросился на царевича и, верно, задушил бы его, если бы царица и царевич не закричали и на крик их не прибежали караульные и не отняли царевича из рук Нарышкина. Эта сплетня пущена была только предварительно, чтобы приготовить стрельцов к другому слуху, который сильнее должен был их взволновать. 15 мая, во вторник, в полдень, когда бояре собрались на совет, между стрельцами раздался крик: «Иван Нарышкин задушил царевича Ивана Алексеевича!» Самый день был выбран как бы преднамеренно, чтобы напомнить об убиении Дмитрия царевича, совершенном именно 15 мая. Поднялась тревога: стрельцы схватились за оружие, ударили в набат во многих церквях; огромная толпа со знаменами и барабанным боем бросилась с криками в Кремль. Затворить от них ворот не успели. В Кремле стояло много боярских карет. Стрельцы напали на кучеров, побили их, перерубили лошадям ноги и бросились на дворец. Бояре метались, не зная, что им делать: немногие из них успели выскочить из Кремля; другие в страхе прятались по углам во дворце. Стрельцы вопили. «Давайте сюда губителей царских, Нарышкиных! Они задушили царевича Ивана Алексеевича! А не дадите — всех предадим смерти!» Тогда, по совету Матвеева и патриарха, царица Наталья, взявши за руки царевичей Петра и Ивана, в сопровождении патриарха и бояр вышла на Красное крыльцо. Стрельцы, уверенные, что царевича Ивана нет на свете, были поражены его появлением и спрашивали: «Точно ли ты прямой царевич Иван Алексеевич?» Иван отвечал, что «он жив, никто не думал его изводить, ни на кого не имеет злобы и ни на кого не жалуется». Но стрельцы, настроенные возмутителями, закричали: «Пусть молодой царь отдаст корону старшему брату! Выдайте нам всех изменников! Выдайте Нарышкиных; мы весь их корень истребим! Царица Наталья пусть идет в монастырь!»

Патриарх сошел было с лестницы и стал уговаривать мятежников, но они закричали ему: «Не требуем совета ни от кого; пришло нам время разобрать: кто нам надобен!» Между стрельцами было много раскольников, и потому понятно, что увещания патриарха не подействовали. Стрельцы мимо патриарха вломались на крыльцо. Большинство бояр в ужасе убежали с крыльца во дворец, но не убежали с ними начальник Стрелецкого приказа Михаил Юрьевич Долгорукий, Артамон Сергеевич Матвеев и Михаил Алегукович Черкасский. Долгорукий прикрикнул было на стрельцов, пригрозил им виселицею и колом. Но стрельцы за это сбросили его с крыльца на расставленные

копья и изрубили в куски; потом стрельцы бросились на Матвеева. Матвеев отодвинулся от них к царице, взял за руку Петра. Стрельцы оттащили его от царя. Князь Черкасский стал отбивать Матвеева у стрельцов, повалил его на землю, лег на него, закрывал его собою. Стрельцы избили Черкасского, разорвали на нем платье, вытащили из-под него Матвеева и сбросили на копья. Царица в ужасе убежала с сыном и царевичем в Грановитую палату.

Стрельцы ворвались во дворец; у них был список обреченных на смерть, составленный заранее возмутителями, числом до сорока человек. Первою жертвою их во дворце был отставленный стрелецкий начальник Горюшкин и Юренев, которые вздумали было защищать вход во дворец. Но главною целью поисков мятежников были Нарышкины. Стрельцы бегали по царским pokojам, заглядывали в чуланы, шарили под кроватями, переворочали постели, тыкали копьями в престол и жертвенники в придворных церквях, везде искали Нарышкиных, и, принявши за Афанасия Нарышкина молодого стольника Федора Салтыкова, убили его, а узнавши свою ошибку, послали тело убитого с извинением к его отцу. Думный дьяк Ларионов спрятался, по одним известиям, в трубу, по другим — в сундук; его вытащили, сбросили с крыльца на копья и рассекли на части: «Ты,— кричали они,— заведовал Стрелецким приказом и нас вешал! Вот тебе за это!» Тогда же ограбили его дом и нашли у него каракатицу, которую он держал в виде редкости. «Это змея,— кричали стрельцы,— вот этою-то змеею он отравил царя Федора». Убили затем сына Ларионова Василия, за то, что знал про змею у отца и не донес. Наконец, стрельцы добрались до Афанасия Нарышкина, брата царицы Натальи; они нашли его под престолом церкви Воскресенья на Сенях: его указал им карлик царицы Хомяк. Стрельцы вытащили Афанасия, поволокли на крыльцо и сбросили на копья. Но Ивана Нарышкина никак не могли найти. Он запрятался в терем восьмилетней царевны Натальи, младшей сестры Петра.

Между тем другие стрельцы поймали в Кремле между Чудовым монастырем и патриаршим двором князя Григория Ромодановского с сыном Андреем. Они истязали старика, рвали ему волосы и бороду. «Помнишь,— кричали они,— какие ты нам обиды творил под Чигирином, как холодом нас морил, ты сдал Чигирин туркам изменою». Ромодановского с сыном постигла та же участь, как и других. «Любо ли? Любо ли?» — кричали убийцы, расправляясь со своими жертвами, а другие, махая шапками, кричали в ответ: «Любо! Любо!» Изуродованные тела убитых тащили стрельцы на площадь; перед ними в поругание, как будто для почета, шли другие стрельцы и кричали: «Боярин Артамон Сергеевич Матвеев едет! Боярин Долгорукий! Боярин Ромодановский едет! Дайте дорогу!»

Выступивши из Кремля, стрельцы бросились в дом князя Юрия Долгорукова и стали извиняться, что убили его сына Михаила за угрозы им. Старик приказал отворить им погреба свои. Стрельцы ковшами напились боярского меду и вина и ушли со двора, как вдруг за ними вслед побежал холоп князя Долгорукова и донес им, что старый князь сказал своей невестке, жене убитого Михаила: «Не плачь, шуку сели, да зубы остались; скоро придется им сидеть на зубах Белого и Земляного города». Услышавши это, стрельцы вернулись в дом Долгорукова, схватили больного старика, изрубили, выбросили за ворота на навозную кучу, а сверх трупа наложили соленой рыбы и приговаривали: «Ешь, князь, вкусно! Это тебе за то, что наше добро ел». День был тогда ясный, но к вечеру поднялась такая буря, что москвичам казалось, что преставление света наступает. На ночь стрельцы расставили караулы в Кремле и Белом городе, чтобы никого не пропустить, в надежде на другой день продолжать свою расправу.

На другой день, часов в десять утра, опять раздался набат; стрельцы с барабанным боем и криками явились ко дворцу и требовали выдачи Ивана Нарышкина. Им ответили, что его нет. Снова стрельцы ворвались во дворец искать свою жертву, убили думного дьяка Аверкия Кириллова, убили бывшего своего полковника Дохтурова, потребовали выдачи иноземного врача Даниэля, которого обвиняли в отравлении Федора, и так как

нигде не могли найти его, то в досаде убили его помощника Гутменьша и 22-летнего сына Даниэлева, Михаила; хотели было умертвить и Даниэлеву жену, но царица Марфа Матвеевна выпросила ей жизнь. Несмотря на все поиски, стрельцы все-таки не могли отыскать Ивана Нарышкина. Царицына постельница Клушина запрятала его в чулан и заложила подушками. Стрельцы шарили повсюду, тыкали копьями подушки, за которыми скрывался боярин, но не нашли его. Вместо него, по ошибке, был убит схожий с ним юноша, родственник Нарышкиных, Филимонов. Хотели было тогда стрельцы умертвить отца царицы Натальи; царица слезами вымолила ему жизнь. Стрельцы согласились пощадить его только с тем, чтобы он немедленно был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь и постригся в монахи. Трех его несовершеннолетних сыновей приговорили также отправить в ссылку.

Не нашедши Ивана, толпа с криками и непристойными ругательствами вышла из Кремля, расставивши опять караулы у ворот. Они кричали, что не усмирятся до тех пор, пока им не выдадут Ивана Нарышкина и доктора Даниэля. По всей Москве происходило бесчинство; были и убийства. Тогда погиб и бывший любимец Федора Языков, которого нашли в доме одного священника. Ему отрубили голову на площади.

17 мая, рано утром, в Немецкой слободе поймали в одежде нищего и в лаптях несчастного Даниэля. Опять ударили набат; стрельцы, напившиеся до безобразия, в одних рубахах с бердышами и копьями, шли огромной толпой ко дворцу и вели впереди свою жертву; к ним вышла царица Марфа Матвеевна и царевны. Они уверяли разярившихся стрельцов, что Даниэль невиновен, что они сами отведывали лекарство, которое подавали царю. Все было напрасно. Даниэля повели в застенок, пытали, а потом рассекли на части.

Но стрельцы этим не удовольствовались, настойчиво требовали выдачи Ивана Нарышкина и говорили, что не уйдут из дворца, пока им не выдадут его.

Тут царевна Софья начала говорить царице Наталье: «Никоим образом нельзя тебе избыть, чтоб не выдать Ивана Кирилловича Нарышкина. Разве нам всем пропадать из-за него?»

Царица отправилась с царевной в церковь «Спаса за Золотой Решеткою» и приказала привести туда Ивана.

Иван Нарышкин вышел из своего закоулка, причастился Св. Тайн и соборовался. Софья изъявляла сожаление о его судьбе и сама дала царице Наталье образ Богородицы, чтобы та передала своему брату. «Быть может,— говорила Софья,— стрельцы устроятся этой святой иконы и отпустят Ивана Кирилловича». Бывший при этом боярин Яков Одоевский сказал царице Наталье: «Сколько тебе, государыня, ни жалеть брата, а отдать его нужно будет; и тебе, Иван, идти надобно поскорее. Не всем из-за тебя погибнуть».

Царица и царевна с Нарышкиным вышли из церкви и подошли к золотой решетке, за которою уже ждали стрельцы. Отворили решетку; стрельцы, не уважая ни иконы, которую нес Нарышкин, ни присутствия царственных женщин, бросились на Ивана с непристойной бранью, схватили за волосы, стащили вниз по лестнице и проволокли через весь Кремль в застенок, называемый Константиновским. Там подвергли его жестокой пытке, оттуда повели на Красную площадь, подняли на копьях вверх, потом изрубили на мелкие куски и втоптывали их в грязь.

Стрелецкое возмущение тотчас повлекло за собою и другие смуты: **взбунтовались боярские холопы**. Стрельцы им потакали и вместе с ними напали толпою на Холопий приказ, разломали сундуки, отбили замки, разорвали кабальные книги и разные государевы грамоты. Стрельцы, присваивая себе право распоряжаться законодательством, кричали: «Даем полную волю на все четыре стороны всем слугам боярским. Все крепости на них разодраны и разбросаны». Но большая часть освобожденных холопов возвращалась к своим прежним господам, а иные воспользовались своей свободой, чтобы вновь закабалить себя другим.

Царевна Софья, как бы из желания прекратить бесчинства, призвала к себе выборных стрельцов и объявила, что назначает на каждого стрельца по десяти рублей. Эта

сумма, независимо от обыкновенного жалованья, идущего стрельцам, будет собрана с крестьян, имений церковных и приказных людей. Сверх того, стрельцам предоставлено было продавать имущество убитых и сосланных ими лиц. Наконец, по просьбе стрельцов, положено было выплатить им, пушкарям и солдатам за несколько лет назад заслуженное жалованье, что составляло 240000 рублей. Софья наименовала стрельцов «надворною пехотою» и уговаривала более никого не убивать и оставаться спокойными. Она назначила над ними главным начальником князя Хованского. Стрельцы очень любили его и постоянно величали своим «батюшкою». Кирилл Нарышкин был пострижен и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь.

Стрельцы составляли всю силу в Москве; стрельцы были преданы Софье, предавали ей в руки верховное правление, но ни Софья, ни стрельцы не dokonчили своего дела: на престоле все-таки оставался Петр, а за ним была русская земля, избравшая его царем. Надобно было придать делу благовидность.

И вот, по наущению Хованского, действовавшего ревностно в пользу Софьи, выборные стрельцы принесли царевне челобитную, писанную уже не только от имени стрельцов, но и «многих чинов Московского государства», в которой заявлялось желание, чтобы на престоле царствовали оба брата, а в заключение челобитной было сказано, что если кто тому воспротивится, то стрельцы опять придут с оружием и будет «немалый мятеж». Софья передала эту просьбу Боярской думе. Думные люди собрались в Грановитой палате, пригласили патриарха и властей. Некоторые, посмелее, заикнулись было, что двум царям быть не приходится, но другие сообразили, что если станут противиться, то их постигнет судьба Матвеева и других думных людей, противных стрельцам, и разочли, что лучше им теперь же заслужить благосклонность Софьи и стрельцов. Они стали доказывать, что двуцарствие будет не только не вредно, но даже полезно для правления государством, и приводили примеры из византийской истории, когда разом царствовали двое государей. Для большего освящения этого нововведения нужно было утвердить его **земским собором, подобно тому, как и Петр получил царство через земский собор**, но выборные люди, бывшие в Москве, уже разехались. Собрать их вновь для нового выбора было опасно: могло выйти, что они стали бы упорно за свой прежний выбор, и служилые люди, дворяне и дети боярские, по приговору собора, принялись бы укрощать возникшее в Москве стрелецкое своеволие и посягательство произвести самовольно переворот в государстве. Прибегнули к обману: созвали разного звания людей, находившихся в Москве, готовых говорить то, что прикажут им стрельцы, и дали этому сборищу вид земского собора. Это сборище 26 мая единогласно приговорило быть на престоле двум царям и старшинство предоставить Ивану Алексеевичу. Через три дня, 29 мая, стрельцы подали боярам новую челобитную, чтобы, по молодости обоих государей, правление было вручено царевне Софье Алексеевне. Вслед за тем в разосланной во все концы государства грамоте извещалась вся Россия, что, по челобитию всех чинов Московского государства, царевич Иван Алексеевич, прежде добровольно уступивший царство брату своему Петру, согласился, после долгого отказа со своей стороны, вступить на царство вместе с братом, а по малолетству государей царевна Софья Алексеевна, «по многом отрицании, согласно прошению братии своей, великих государей, склоняясь к благословию святейшего патриарха и всего священного собора, презирая милостивно на челобитие бояр, думных людей и всего всенародного множества людей всяких чинов Московского государства, изволила воспринять правление...» Затем объявлялось, что государыня царевна будет сидеть с боярами в палате, думные люди будут докладывать ей о всяких государственных делах, **и ее имя будет писаться во всех указах с именами царей**. Так совершалось похищение верховной власти при помощи войска, напоминавшего римских преторианцев и турецких янычар. Но образовавшееся вновь правительство находилось в необходимости потакать стрельцам, которые его создали и поддерживали.

6 июня стрельцы опять подали челобитную, написанную стрельцом Алексеем Юдиным, самым близким человеком к Хованскому. Челобитная эта подавалась от имени не одних стрельцов, но также пушкарей, солдат, гостей, посадских людей, ямщиков и жителей московских слобод. Стрельцы представляли совершенное ими убийство верной службой государям и просили, чтобы за такую службу на Красной площади был поставлен столп с написанными на нем именами «побитых злодеев» и с описанием преступлений, за которые они были убиты, чтобы стрельцам и людям других сословий, участвовавшим в убийствах, даны были похвальные жалованные грамоты за красными печатями, чтобы ни бояре и никто другой не смел обзывать их бунтовщиками и изменниками под страхом беспощадного наказания. Желая иметь на своей стороне торговых людей, стрельцы хотели угодить им и в той же челобитной домогались, чтобы во всех приказах и во всех городах, где только есть прием и расход царской казны, сидели выборные люди из торгового сословия. Зато челобитчики отказывались от всякого общения с боярскими людьми (холопами), которые стали «приобщаться к ним в совет», чтобы сделаться свободными. Правительство беспрекословно согласилось на все и издало печатную грамоту в смысле поданной челобитной. Стрелецким полковникам Циклеру и Озерову было поручено поставить столп на площади, какого хотели стрельцы.

Стрелецкий бунт возбудил надежду, что теперь можно добиться и других перемен.

Поднялись раскольники, пораженные проклятием собора и преследуемые мирской властью. До сих пор самые рьяные из них бегали в леса, пустыни; другие, которых было гораздо больше, в страхе притаились и с виду казались покорными. В стрелецком звании было таких наполовину; Москва и подгородные слободы были наполнены раскольниками или склонными перейти в раскол. Как только почуяли они нетвердость тяжелой руки, давившей их, тотчас подняли голову. Стали в Москве открыто расхаживать проповедники и поучали народ не ходить в оскверненную церковь, не креститься тремя перстами, не почитать **четвероколенного креста**. «Неучимужики и бабы,— **говорит современник**,— не знающие складов, толпами собирались тогда на Красной площади и совещались, как утвердить им старую веру, а чуть только кто противник скажет слово, на того сейчас нападут и всенародно прибьют, воображая, что этим они правую веру обороняют». Сам Хованский, и прежде втайне державшийся старообрядства, теперь заявил себя явно сторонником старой веры.

Стрельцы одного из полков, собравшись на сходку, положили составить челобитную государям против патриарха и просить восстановления старой веры, но между ними не нашлось мудреца, который бы мог хорошо сложить подобную челобитную. Такого мудреца нашли им жители Гончарной слободы, в лице монаха по имени Сергей. Когда этот монах вместе с четырьмя слобожанами сложил челобитную и дал ее прочитать перед стрельцами своему товарищу, Савве Романову, стрельцы изумились и пришли в умиление. «Мы еще не слыхали,— говорили они,— такого слога, такого описания ересей. Надобно, братия, постоять нам за старую веру и кровь свою пролить за Христа. Мы за тленное дело чуть голов своих не положили, а как не умереть за веру?»

Доложили Хованскому. Привели к нему Сергия. Сергей прочитал ему свою челобитную. Выслушавши ее, Хованский похвалил сочинителей, но сказал: «Ты, отче, как я вижу, инок смирен, тих, немногословен, не будет тебя на такое великое дело; против них надобно ученому человеку ответ держать».

«Хоть я и немногословен,— ответил Сергей,— да верую словесам Сына Божия: **не пещитесь**, како и что возглаголите».

Но тут другие раскольники сказали, что когда придется до спора, то за это дело возьмется Никита Пустосвят, который хотя поневоле и покорился собору, но теперь крепко стоит за правую веру.

«Знал я его,— сказал Хованский,— против того им нечего говорить! Тот всем уста загородит! Никто не устоит против Никиты. Я вам во всем буду помогать, хоть сам и не

искусен на это дело, а того и в уме своем не держите, чтоб вас по старому стали казнить, вешать и жечь в срубах!»

Раскольники настаивали, чтоб собор был всенародно на Лобном месте или в Кремле, в присутствии царей и патриарха, в пятницу, 23 июня, до венчания царей, которое было назначено в воскресенье. «Нам,— говорили они,— хочется, чтобы цари государи венчались в истинной православной вере христианской, а не в латино-римской». Хованский хотел было уговорить их отложить этот собор, уверяя, что цари будут венчаться постарому, но раскольники настояли на своем, чтоб собор был в пятницу.

В назначенный день утром раскольники двинулись в Кремль стройным ходом. Никита нес крест, Сергей Евангелие, другой монах Савватий икону Страшного Суда. К ним приставали мужчины и женщины из народа, сами не понимая, что вокруг них делается. Хованский, показывая вид, что не знает, зачем пришли эти люди, вышел к ним в сопровождении приказных и спрашивал: «Коея ради вины приидосте, отцы честные?» Никита отвечал: «Приидохом великим государем челом побить о старой, православной христианской вере, чтоб велели патриарху служить по старым книгам и служили бы на семи просфорах, а не на пяти, а крест на просфорах был бы истинный, тресоставный крест, а не крыж двоечастный. Если патриарх не изволит служить по старым книгам, так пусть велят ему государи дать нам правильное свое рассмотрение: зачем он по старым книгам не служит и нам возбраняет служить? Зачем предает проклятию и засылает в дальное заточение тех, что по старым книгам читают и поют? Пусть даст нам ответ на письме: какие ереси нашел он в старых книгах? Пусть ответит нам: благочестивы или неблагочестивы были прежние цари, великие князья и святейшие патриархи, которые по старым книгам служили и пели? А мы, Богу помогающе, вконец обличим всякия затейки и ереси в новых книгах».

Хованский взял от них челобитную, пошел во дворец и, воротившись, сказал:

«Против этой челобитной будет дела недели на три; надобно книги свидетельствовать. Патриарх упросил государей до среды: в среду приходите после обедни». «А как же государей будут венчать?» — спросил Никита. «По-старому, как я вам говорил», — ответил Хованский. «Пусть патриарх служит литургию на семи просфорах, — сказал Никита, — и крест на просфорах пусть будет истинный, а не крыж».

«Вели же напечь просфор и принести сюда; я патриарху поднесу и велю служить постарому», — отвечал Хованский. Раскольники разошлись.

В воскресенье толпы народа наполнили весь Кремль, ожидая выхода государей к венчанию. Никита с просфорами, испеченными некоею искусною вдовицею, отправился к собору, но не мог пробраться за толпой народа и в досаде вернулся назад. Совершилось венчание по обычному чину.

Раскольники хлопотали, чтобы все стрельцы подписались под челобитной и чтобы таким образом противники их увидали на стороне раскола опасную для себя силу. Тут оказалось, что раскол между стрельцами не так был крепок, как думали фанатики. Не все стрельцы и пушкари приложили руки к челобитной. Многие говорили: «Это дело не наше, а патриаршее. Если нам руки прикладывать, так и ответ надобно давать против патриарха и властей. Мы не умеем отвечать. Да сумеют ли и старцы дать ответ против такого собора? Они только намутят и уйдут». Но, не прикладывая рук к челобитной, стрельцы все-таки положили на том, чтоб не давать никого жечь и вешать за веру.

3 июля явились к Хованскому выборные стрельцы по его приказанию.

«Все ли готовы стоять за старую веру?» — спросил их Хованский. «Не только стоять, но и умереть готовы», — отвечали ему. Хованский ввел их в Крестовую палату к патриарху. Патриарх ласково уговаривал их не мешаться в духовные дела, которые не касаются их как людей военных; но книжники, пришедшие вместе со стрельцами, надеясь на Хованского, вступили с патриархом в спор о старых и новых книгах и требовали, чтобы патриарх с властями вышел на Лобное место для всенародного прения о вере.

Настала среда 5 июля. Раскольники двинулись в Кремль. Никита нес крест; другие несли Евангелие, икону Страшного Суда, образ Богородицы, множество старых книг, налои, подсвечники со свечами. За ними валила огромная толпа народу. У Архангельского собора поставили налои, разложили образа и книги, зажгли свечи. Патриарх, прежде всего, выслал к ним священника с печатными тетрадами, в которых обличался Никита, как он на соборе принес повинную и отрекся от старой веры. Стрельцы набросились на этого священника и, вероятно, убили бы его, если бы не спас его монах Сергей, сочинитель челобитной. Священника поставили на скамье и велели начать чтение. Его прерывали постоянно криками и бранью; наконец Сергей сказал ему:

«Всеу трудишися, никто тебя не слушает!» Вместо священника стал читать сам Сергей свое обличение против церковного «пременения». Говорил к народу и Никита, стоя на подмостках, называл православные церкви хлевами и амбарами и приправлял свою речь разными непотребными словами.

Между тем от патриарха пришли звать раскольников в Грановитую палату: «Там будут царица и царевны, а перед всем народом им быть зазорно».

Тут народ завопил: «А! Патриарх стыдится перед всем народом дать свидетельство от божественных писаний. Здесь подобает быть собору, да и как поместиться в палате такому множеству!»

Во дворце произошло смятение. Патриарх не хотел выходить на площадь, а звал раскольников в Грановитую палату. Царевна Софья собиралась идти в Грановитую палату. Хованский стал уговаривать ее не ходить, говорил, что стрельцы поднимут бунт и патриарху будет худо, а если она туда пойдет с боярами, то всех побьют. Софья поняла, в чем дело, видела, что Хованский хочет действительно поднять бунт против патриарха, и потому намеревается устроить так, чтобы присутствие царевны не стесняло буйства раскольников; с другой стороны, она была уверена в преданности к себе стрельцов. «Да будет воля Божия,— сказала Софья,— я не оставлю церкви Божией и ея пастыря!»

Вместе с Софьей решились идти в Грановитую палату царица Наталья Кирилловна и царевны: Татьяна Михайловна и Марья Алексеевна.

Хованский обратился к боярам и говорил: «Пожалуйте, попросите царевну, чтоб она не ходила в Грановитую палату с патриархом.

А если вас не послушает, то пусть будет вам известно, что нас всех побьют, как недавно нашу братью побили, и разграбят дома наши».

Приступили бояре к Софии, умоляли освободить и себя, и всех их от напрасной смуты. София отвечала: «Я готова за святую церковь положить свою голову».

Затем, обратившись к Хованскому, она сказала: «Посылай святейшего патриарха, чтобы он со всеми властями и книгами шел к нам в Грановитую палату».

Хованский исполнил приказание. Было уже около четырех часов пополудни. Патриарх, напуганный Хованским, в ужасе, со слезами, не чая себе живота, отправил вперед себя множество книг и рукописей греческих и славянских. С ними пошли: холмогорский архиепископ Афанасий, воронежский Митрофан, тамбовский Леонтий и несколько других духовных. Обилие древних книг должно было показывать противникам, что у православных есть сильные средства защиты. За ними следовал и патриарх с восемью митрополитами и четырьмя архиепископами. Звонили в колокола.

Все уселись по чину в Грановитой палате; на царском троне села Софья с теткою Татьяною, а близ них царица Наталья и царевна Марья. Были с ними бояре и думные люди. Хованский пригласил Никиту и Сергия в Грановитую палату и поклялся, что им ничего дурного не будет.

Тогда Никита и товарищи его взяли крест, Евангелие, свечи, налои, положили книги на головы и двинулись на Красное крыльцо. Тут произошла драка. По известиям раскольников, причиной ее было то, что какой-то православный поп зацепил Никиту за волосы, а стрельцы начали тузить попов. Пришел Хованский, прекратил беспорядок и провел раскольников в Грановитую палату.

Они расставили налои, разложили на них священные вещи и книги и поставили перед образами зажженные свечи в подсвечниках, принесенных с собою.

«По какой причине пришли в царские палаты и чего требуете от нас?» — спросил патриарх.

«Пришли царям государям побить челом, чтобы дали свое царское рассмотрение с вами, новыми законодателями, чтоб служба Божия была по старым служебникам».

Патриарх сказал: «Это не ваше дело. Простолюдинам не подобает исправлять церковных дел и судить архиереев. Архиереев только архиереи и судят, а вам должно повиноваться матери своей церкви; у нас книги исправлены с греческих и с наших харатейных книг по грамматике. Вы же грамматического разума не коснулись и не знаете, какую силу он в себе содержит».

«Мы не о грамматике пришли с тобою говорить,— отвечал Никита,— а о церковных догматах. Вот я тебя спрошу, а ты отвечай: зачем на литургии вы берете крест в левую руку, а тройную свечу в правую? Разве огонь честнее креста?»

Тут начал было ему объяснять холмогорский архиепископ Афанасий, как вдруг Никита замахнулся на него рукой и закричал: «Что ты, нога, выше головы ставишься! Я не с тобою говорю, а со святейшим патриархом».

София вскочила со своего места и закричала: «Что это такое! Он при нас архиерея бьет! Без нас, наверное, убил бы его!»

«Нет, государыня,— сказали из толпы,— он не бил, а только рукою отвел».

«Помнишь ли, Никита,— сказала София,— как блаженной памяти отцу нашему, и святейшему патриарху, и всему освященному собору ты принес повинную и поклялся великою клятвою: еще вперед стану бить челом о вере, да будет на мне клятва Св. отец и семи вселенских соборов. Так говорил ты в то время, а ныне опять за то же дело принялся!»

«Что дал повинную, я в том не запираюсь,— возражал Никита.— Дал за мечом и срубом! Я подавал челобитную, а мне никто не отвечал из архиереев, только Семен Полоцкий книгу на меня сложил „Жезл“. Позволишь, государыня, я буду отвечать против „Жезла“; а останусь виноват, делайте со мной, что хотите!»

«Нет тебе дела говорить с нами; и на очах наших тебе не подобает быть!» — сказала София.

Затем София опять села на свое место и приказала думному дьяку читать раскольничью челобитную.

Как дочитали до того места, где сказано было, что чернец Арсений, еретик и жидовский обрезанец, вместе с Никоном поколебали душу царя Алексея Михайловича, София опять вскочила со своего места и, взволнованная, сказала:

«Если Никон и Арсений были еретики, так и отец и брат наш были еретики! Значит, цари не цари, архиереи не архиереи; мы такой хулы не хотим слышать. Мы пойдем прочь из царства!»

«Как можно из царства вон идти! Мы за государей головы свои положим»,— говорили думные. Но между раскольниками раздались такие голоса: «И пора вам, государыня, давно в монастырь. Полно де царством мутить! Нам бы здоровы были отцы наши государи, а без вас де пусто не будет!»

София прослезилась и, обратясь к стрельцам, начала говорить: «Эти мужики на вас разве надеются? Вы были верные слуги деду нашему, отцу и брату, оборонители церкви святой, и у нас зоветесь слугами. Зачем же таким невеждам попускаете чинить крик и вопль в нашей палате?»

Выборные стрельцы успокаивали ее. София села на свое место. Челобитную дочитали. Начался спор. Патриарх и архиереи указывали на древние харатейные списки, обличали нелепые ошибки и опечатки в Филаретовом служебнике. Малоученые раскольники, не в силах будучи одолеть противников доводами, только подымали вверх руки, показывали двуперстное сложение и кричали: «Вот как! вот как!»

Уже стало вечереть. Раскольникам объявили, чтобы они расходились, и что им будет указ после.

Раскольники вышли со всеми своими налоями, книгами, образами и кричали во все горло, подымая два пальца вверх: «Победихом! Победихом! Вот как веруйте!» Толпы народа следовали за ними. Расколоучители остановились на Лобном месте и стали поучать народ, а оттуда отправились в церковь «Спаса в Чигасах», отслужили со звоном благодарственный молебен и потом уже разошлись по домам.

София позвала к себе выборных стрельцов, обласкала их, приказала напоить медом и вином в таком количестве, что на десять человек было вынесено по ушату. «Не променяйте нас,— говорила им София,— и все Российское государство на каких-нибудь шестерых чернецов».

«Мы, государыня,— отвечали ей стрельцы,— не стоим за старую веру. Это дело патриарха и всего священного собора».

По приказанию царевны преданные ей стрельцы Стремянного полка схватили Никиту Пустосвята, с ним других пятерых расколоучителей и привели их в приказ. Никите отрубили голову на площади. Его товарищей разослали в ссылку. Раскольники притихли.

Раскольничье дело показало Софии, что ей необходимо избавиться от опеки тех, которые до того времени служили ей опорой. Князю Хованскому София более всего обязана своим возвышением. Этот боярин, как покровитель раскола, теперь начал явно действовать вразрез с видами Софии. Сама София даровала ему опасное могущество, назначивши начальником стрельцов. Все стрельцы были ему преданы больше, чем царевне, и готовы были на все, что бы он ни затевал. Чувствуя свою силу, Хованский зазнался, величался своим происхождением от Гедимины, начал высокомерно обращаться с прочими боярами, говорил в глаза боярам, что от них Московское государство только терпит вред, что им, Хованским, держится все царство, что, когда его не станет, в Москве будут ходить по колению в крови. Все бояре его не терпели; он поссорился с сильным боярином Иваном Михайловичем Милославским, с которым вместе заодно подготовлял переворот, установивший двоевластие.

В дни, следовавшие за казнью Никиты, стрельцы, надеясь на Хованского, беспрестанно волновались, самовольничали. Царская семья жила в постоянном страхе, ожидая нового нашествия на дворец. Бояре каждую минуту боялись за свою жизнь; духовенство опасалось раскольничьего бунта. В июле, тотчас после казни Никиты, какой-то крещеный татарский царевич Матвей распустил между стрельцами слух, будто бояре хотят известить стрельцов; стрельцы толпой били челом царям, чтоб выдали им всех бояр. На этот раз бояре избавились от беды; схватили царевича Матвея, принудили под пыткой отказаться от своего извета, а потом приказали четвертовать. Но за Матвеем явились другие в таком же роде возмутители. Этих возмутителей также пытали и казнили. Стрельцы самовольно подвергли пытке и смерти одного своего полковника Янова. День ото дня опасность увеличивалась для царского семейства и бояр. В августе Хованский рассорился со всею царскою думою за то, что дума не одобряла предположенного им налога с дворцовых волостей в пользу стрельцов по 25 рублей на человека. Вышедши из думы к стрельцам, Хованский сказал: «Дети, знайте, мне бояре грозят за то, что я вам добра хочу! Мне стало делать нечего! Как хотите, так и промышляйте». Стрельцы заволновались еще сильнее.

19-го августа разнесся слух, будто во время крестного хода,— который бывает в этот день в Донской монастырь,— стрельцы хотят перебить всю царскую семью, всех бояр и возвести на престол Хованского. Все царское семейство не участвовало в этом крестном ходе и на другой же день перебралось в Коломенское село. Затем бояре стали разъезжаться из Москвы: часть их отправилась к царям, другие разехались по своим вотчинам. Из всех думных людей остался в Москве один Хованский; он во всем потакал стрельцам. Около его кареты всегда шло по пятидесяти стрельцов с ружьями, а на дворе

стоял стрелецкий караул, человек во сто. По Москве ходили угрожающие для стрельцов слухи; говорили, будто боярские люди, по наущению своих господ, нападут на стрельцких жен и детей в то время, когда стрельцы будут на празднике новолетия 1 сентября. Наступил этот праздник; на нем не было ни царей, ни бояр, и народу пришло мало.

На другой день, второго сентября, в Коломенском селе оказалось прилепленным к воротам подметное письмо от имени одного московского стрельца и двух посадских. В нем извещалось, что Хованский собирается убить обоих государей, царицу Наталью, царевну Софью, патриарха и архиереев; одну из царевен думает отдать за своего сына, а прочих постричь в монастыри; затевает перебить бояр, которые не любят старой веры, возмутить по городам посадских и крестьян, чтобы они перебили воевод, приказных, господ и боярских людей, а потом хочет сам взойти на престол и выбрать народом такого патриарха и архиереев, которые бы любили старые книги. «Хованский,— сказано было в этом письме,— призывал к себе несколько человек посадских и стрельцов, давал им деньги, поручая волновать народ, и обещал стрельцам отдать имущество и вотчины убитых людей».

Софья со всем царским семейством немедленно переехала в монастырь Саввы Сторожевского и 5 сентября разслала с гонцами по разным городам грамоту ко всем служилым людям, а также и к боярским слугам. В этой грамоте извещалось все служилое сословие Московского государства, что стрельцы, по наущению Хованского, произвели мятеж и убийства 15 и 16 мая: это дело, прежде признанное царской грамотой за верную службу царям, теперь оглашалось воровством и изменой; далее рассказывалось, как, по наущению Хованского, раскольники приходили в Кремль, как Никита бил архиерея; наконец объявлялось, что боярин князь Хованский с сыном своим Андреем, при помощи воров и изменников, «мыслят зло государям»: хотят перебить без останку всех бояр, окольных, думных и ближних людей. «Помните Господа Бога и свое обещание,— говорилось в грамоте,— послужите нам, великим государям, для очищения от воров и изменников царствующего града Москвы. Идите к нам, великим государям, со всею своею службою и запасами тотчас, бессрочно с великим поспешением, днем и ночью, ничем не отговариваясь, чтобы скорым собранием устрашить воров и изменников и не допустить их до большого дурна и до расширения воровства...»

Проживши в Саввином монастыре до 13 сентября, царская семья переехала в село Воздвиженское, как будто к престольному празднику, и отсюда послан был указ, чтобы к 18 сентября сехались туда к царям все бояре, окольных, думные люди, стольники, стряпчие, московские дворяне и жильцы.

Накануне назначенного срока 17 сентября,— день именин Софьи,— село Воздвиженское наполнилось огромным множеством знатных людей. Хованский с сыном Андреем еще не приехали, но уже были на пути. После обеда царевна Софья созвала думу и приказала прочитать подметное письмо.

Думные люди, уже озлобленные против Хованского, приговорили его казнить смертью. Софья отправила боярина князя Лыкова с отрядом схватить Хованских на дороге и привести в Воздвиженское.

Старый Хованский, поехавший отдельно от сына, остановился отдохнуть в патриаршем селе Пушкине и, по тогдашнему боярскому обычаю, велел себе раскинуть шатер. Лыков окружил его ставку и, узнавши, что сын Хованского, Андрей, находится в своей подмосковной вотчине, послал взять его.

Взяли Хованского отца, связали и повезли, а за ним вслед отправили и Хованского сына. Когда Лыков подвез Хованских к царскому двору, вышли посланные и сказали, чтобы он не въезжал с ними во двор, а остановился у ворот. Из двора вышли все думные люди и сели на скамьях перед воротами. Думный дьяк Шакловитый читал приговор: Хованских обвиняли в неправильном распоряжении денежною казною в пользу стрельцов, в потачке наглому невежеству стрельцов, в неправом суде, в дерзких речах, в подущении раскольников, в неповиновении царским указам и прочее. Затем прочитано

было подметное письмо; дьяк произнес: «Воровские дела ваши с этим письмом сходны. Злохитрый замысел ваш обличился. Государи приказали вас казнить смертью».

«Господа бояре,— сказал старик Хованский,— извольте выслушать: кто был настоящий заводчик бунта стрелецкого. От кого он умышлен и учинен. Донесите их царским величествам, чтобы нам с ними дали очные ставки, а так скоро и безвинно нас бы не казнили. Если же мой сын так делал, как написано в сказке (приговоре), то я предаю его проклятию».

Допустить Хованского до такого рода оправдания — значило раскрывать много такого, что хотели утаить. Боярин Милославский более всех этого боялся и дал знать царевне Софье о словах Хованского. Софья выслала приказание немедленно исполнить приговор.

Стрелец Стремянного полка отрубил головы — сначала отцу, потом сыну. Казнь исполнялась перед дворцовыми воротами у московской большой дороги.

Совершивши такое дело, Софья боялась мщения стрельцов за их «батюшку» и тотчас разослала думных людей по городам торопить служилых, чтобы они как можно скорее шли к Троице, а сама вслед за тем отправилась туда же с царскою семьею и заперлась в монастыре. Там было безопаснее, стены крепки, на стенах пушки; оборону Троицкой лавры взял на себя ближний боярин, любимец Софьи, князь Василий Васильевич Голицын.

Опасения Софьи оказались не напрасны; у Хованского был еще меньший сын Иван, занимавший должность комнатного стольника при царе Петре. Он убежал в Москву, принес известие о смерти отца, говорил, что бояре идут на Москву с тем, чтоб истребить всех стрельцов и сжечь их дворы. Стрельцы заволновались, захватили в свои руки Кремль, овладели пушечным двором, забрали орудия и порох, расставили караулы у всех московских ворот, ожидали, что на них нападут боярские люди, по приказанию своих господ. Патриарх был в опасном положении. Он уговаривал стрельцов покориться, а они за то грозили убить его, как только бояре пошлют против них своих людей.

Прошло несколько дней: на Москву нападения не было. Стрельцы узнавши, что царская семья у Троицы, убедили патриарха послать туда чудовского архимандрита Адриана звать царей в Москву.

Но Софья уже не боялась стрельцов. В крепкий монастырь не так легко было им проникнуть, как в кремлевский дворец; притом же туда беспрестанно отовсюду собирались служилые. Она потребовала, чтоб стрельцы прислали по двадцати человек лучшей братии от каждого полка.

Самонадеянность и наглость стрельцов сменилась малодушием. Те, которым приходилось идти в числе выборных, считали себя обреченными на смерть. Все стрельцы думали, что им теперь будет «конечный перевод». Московские люди, которые прежде так боялись их, теперь подсмеивались над ними и говорили: «Куда вам, мужикам, владеть разумными людьми и государям указывать». Стрельцы с покорностью упростили патриарха, чтобы он отправил с их выборными какого-нибудь архиерея.

Выборные отправились к Троице и с ужасом поминутно встречались на дороге с разными людьми, созванными для укрощения стрельцов. Явившись перед Софьей, выбранные пали ниц, во всем повинились! Царевна, проговоривши им приличное нравоучение, сказала, чтобы немедленно все полки надворной пехоты (стрельцов) подали повинную челобитную за общим рукоприкладством. Выборные воротились в Москву с этим приказанием. При участии патриарха, стрельцы составили требуемую челобитную, обещались вперед не самовольствовать и не мешаться в чужие дела. Софья объявила им, что если кто вперед станет хвалить прежние дела стрельцов, тот будет казнен смертью; тому же подвергается и всякий, кто будет слышать о таких похвалах и не донесет. Сами стрельцы, конечно по внушению Софьи, били челом о том, чтобы сломать столп, поставленный в оправдание их злодеяний. Софья с царским семейством вступила в Москву. Новоприбывшие служилые люди заняли все караулы в Кремле. Всем боярским

людям объявлена похвала за верность своим господам; но стрелецкие смуты не остались без последствий: множество холопов и крестьян во время этих смут покинули своих прежних владельцев, и в следующие годы правительство издавало распоряжения, чтобы ловить беглых, наказывать и препровождать к прежним господам. Начальство над стрельцами поверено было Шакловитому. Это был человек решительный. Стрельцы попытались было начать прежние буйства, но Шакловитый тотчас же казнил пятерых из них, а потом со всех полков удалил из Москвы в украинные города наиболее задорных и беспокойных.

С этих пор Софья именем двух царей беспрекословно семь лет управляла государством. Во внутренних делах не происходило никаких важных изменений, кроме коекаких перемен в делопроизводстве. Правительство по-прежнему противодействовало обычному шатанию народа и делало распоряжение об удержании жителей на старых местах. Разбои усиливались; даже люди знатных родов выезжали на дорогу с разбойничьими шайками. Помещики дрались между собой, наезжали друг на друга со своими людьми, жгли друг у друга усадьбы; их крестьяне, по их приказанию, делали нападения одни на других, истребляли хлеб на полях и производили пожары. **Межевание, начатое при Федоре**, продолжаясь при Софье, приводило к самым крайним беспорядкам. Помещики, недовольные межеванием, посылали своих крестьян на межевщиков с оружием, не давали им мерить земли, рвали веревки, а некоторых межевщиков поколотили и изувечили. За такие самоуправства правительство определило наказывать кнутом и ссылат в Сибирь; но бесчинства от этого не прекращались. Небогатые помещики находились под произволом богатых, владевших многими крестьянами; кто был сильнее, тот у соседа отнимал землю. И бедняку трудно было тягаться с богачом. В самой Москве происходили в то время беспрестанные бесчинства, воровство и убийства. Правительство делало распоряжение под строгим наказанием, чтобы в городе не стреляли из ружей, не дрались на кулачках, не сшибали с ног людей и не били полицейских служилых (капитанов и стрельцов). Но самой важной причиной смут был раскол, который не только не прекращался от преследований, но возрастал в страшных размерах. В 1682 году после казни Никиты Пустосвята разслана была грамота ко всем архиереям, чтоб они сыскивали раскольников и предавали их казни. Еще строже был указ конца 1684 года. Велено было хватать всякого, кто не ходил в церковь, не исповедывался, не пускал к себе священника в дом; таких приказано было подвергать пытке; если обвиненный под пыткой обвинял когонибудь в соучастии, и того велено хватать, давать ему очные ставки, производить об нем обыск и, в случае сомнения, пытать. Покаявшиеся были отправлены для исправления к духовному начальству, а непокорных велено было сжигать живьем. За укрывательство раскольников и за недонесение положено было бить кнутом. Но напрасно правительство думало испугать раскольников огнем: они сами сжигались, воображая себе, что тем приносят жертву Богу. Такие ужасающие явления беспрестанно повторялись повсюду и выказались в самом чудовищном виде в Олонецкой земле. В 1687 году некто расколоучитель Емельян Иванов из Повенца сошелся с другим фанатиком Игнатием, который завел себе пустынь близ Каргополя, считаем был за святого мужа и совратил многих каргопольцев. Они с толпою последователей захватили **Палеостровский монастырь** на Онежском озере. Когда против них послано было войско под начальством Мишенского, раскольники зажгли монастырь; ратные люди потушили пожар; часть раскольников с Игнатием сгорела, а Емельян с остальными убежал. Два года его отыскивали, он скрывался со своими товарищами в непроходимых лесах. Ратные люди, не поймавши Емельяна, свирепствовали над другими раскольниками и без жалости разоряли пристанища поселян, где жители упорствовали в расколе. В 1689 году Емельян опять очутился в Палеостровском монастыре вместе с соловецким монахом Германом; с ними было до 500 человек. Девять недель сидели они, запершись в монастыре. На все убеждения сдаться они отвечали ругательствами против церкви, отстреливались от ратных людей и наконец, когда увидели невозможность держаться долее, зажгли

монастырь и все сгорели. Везде, где собирались толпы раскольников, припасались ими горючие вещества, чтобы прибегнуть к этому средству спасения, когда придут гонители. Являлись учителя, проповедывавшие, что даже и без гонения самое богоугодное дело сжечься, и уговаривали целые толпы мужчин, женщин и детей предавать себя «крещению огнем», Царствия ради Небесного.

Из внешних дел правления Софьи самым важным событием было заключение **в 1680 году** с Польшею мира, прекратившего долговременную тяжелую распрю за Малороссию. Как следствие этого мира был поход в Крым Василия Васильевича Голицына, погубивший гетмана Самойловича. Через два года был предпринят другой поход, к которому, так же как и к первому, склонили Россию Австрия и Польша. Кроме того, бывший константинопольский патриарх Дионисий, низложенный турецким правительством за расположение к России, убеждал русских воспользоваться удобным случаем для освобождения христиан от турецкого ига, потому что между самими турками тогда происходили междоусобия (султан Магомет IV был низвержен войском, и на его место посажен брат его Сулиман II), а австрийцы и венецианцы одерживали верх над турками. **Молдавский господарь Щербан** со своей стороны убеждал московское правительство послать войско на турок и уверял, что все христиане, находящиеся под турецкой властью, восстанут, при появлении русского войска. При таких блестящих надеждах московское правительство двинуло весной 1689 года 112000 войска на Крым, с которым было до 350 пушек. Начальство взял на себя любимец Софьи Голицын. К нему примкнул малороссийский гетман Мазепа со своими казаками. Русское войско прошло через степь, одержало верх в битве с ханом и дошло до Перекопа. Но Голицын не решился перейти на полуостров. Его испугал недостаток воды, особенно чувствительный при сильном майском зное. Остановившись под Перекопом, Голицын завел переговоры с ханом и, не дождавшись их окончания, поспешно отступил, убегая от преследовавших его татар.

Этот неудачный поход совершенно уронил Голицына. На него стали смотреть как на неспособного труса, но Софья силилась представить и этот поход геройским делом. Не только сам Голицын получил в награду вотчину, 300 рублей денежной прибавки к жалованью и разные подарки, но и все участники похода были щедро награждены. Софья до слепой страсти была предана этому человеку. В письмах своих она называла его: «светом батюшкою, душою своею, сердцем своим» и т.п. Любовь Софьи не спасла Голицына, а его неудачный поход в Крым сделался ближайшим поводом к падению самой царевны. Давняя вражда Софьи с царицей Натальей и Нарышкиными, ее нелюбовь к Петру не прекращались с годами. Софья была правительницей государства только при малолетстве царей. Оба царя пришли в совершенный возраст. Иван Алексеевич еще в 1684 году сочетался браком с Прасковьей, дочерью боярина Федора Борисовича Салтыкова. По своему малоумию он не угрожал Софье потерей власти. Но вот и Петр достиг шестнадцати лет, окружил себя «потешными» — молодежью, собранной вначале из товарищей детских игр царя, а потом из охотников разного звания. Петр проводил с ними время в воинских упражнениях, строил земляные крепости и брал их, а в 1688 году, увидя однажды старое заброшенное судно, получил страстное желание строить суда, плавать по морю и начал свои первые опыты на Переяславском озере. Царица Наталья, страшась козней Софьи, боялась отлучек сына и его горячности, а потому поспешила его женить. 27 января 1689 года Петр сочетался браком с Евдокией Федоровной Лопухиной, дочерью окольничьего. Событие было важное и даже можно сказать роковое для Софьи, так как по русским понятиям женатый человек считался совершеннолетним, и Петр в глазах своего народа получил полное нравственное право избавить себя от опеки сестры.

Еще ранее этого времени в 1687 году Софья, предупреждая ожидаемую опасность со стороны Петра, затевала венчаться царским венцом. Для этого ей нужна была опора стрельцов. Шакловитый, преданный ей всей душой, подготовил челобитную как будто от всех чинов Московского государства и начал склонять стрельцов содействовать своему

плану. Вместе с тем он чернил перед ними царицу Наталью и Нарышкиных, уверял, что они имеют злые умыслы на Софью, при этом делал намеки на возможность избиения Нарышкиных и даже на убийство самого Петра; козни его не удавались: нашлось только всего пять человек, готовых на какое угодно смелое дело. Мысль о венчании на царство Софьи была оставлена. В 1689 году, июля 8, был крестный ход в Казанский собор. Софья прежде всегда участвовала в подобных крестных ходах, вместе с обоими царями, как правительница государства. Петр на этот раз послал ей сказать, чтобы она не ходила: это имело такой смысл, что Петр уже не считал ее правительницей, Софья не послушалась и пошла за крестами, а Петр через то сам не пошел в крестный ход и уехал из Москвы.

Возвратился Голицын из своего вторичного крымского похода. Петр не соглашался назначать ему и его товарищам награды, и хотя на этот раз не стал спорить с сестрой, но когда Голицын и другие участники крымского похода, получившие награды, явились к Петру с благодарностью за награды, то Петр не пустил их к себе на глаза. Тут Софья увидела, что ее власти скоро будет конец. Оставалось или покориться своей судьбе или отважиться на попытку сделать переворот. Шакловитый хотел было взволновать стрельцов таким же порядком, как делалось прежде,— ударить в набат и поднять тревогу, как будто царевне угрожает опасность, но стрельцы, за исключением очень немногих, сказали, что они по набату дела не станут начинать. Софья ухватилась было за средство, которое ей так удалось в былые времена с Хованским. В царских хоромаш «наверху» появилось подмётное письмо, в котором предостерегали царевну, что ночью с 7-го на 8-е августа явятся из Преображенского «потешные» царя для убийства царя Ивана Алексеевича и всех его сестер. Шакловитый вечером 7-го августа призвал четыреста стрельцов с заряженными ружьями в Кремль, а триста поставил на Лубянке. Его подручники начали наущать стрельцов, что надобно убить «медведицу», старую царицу, а «если сын станет заступаться за мать, то и ему спускать нечего». Но и это не удалось. Пятисотный стрелецкого Стремянного полка Ларион Елизарьев с семью другими стрельцами составил замысел предупредить Петра. Двое из товарищей, Мельнов и Ладогин, отправились ночью в Преображенское известить царя, что против него затевается недоброе.

Пробужденный от сна Петр выскочил в одной сорочке, босой, бросился в конюшню, сел на коня и ускакал в ближайший лес. Туда принесли ему платье. Он оделся и вместе с Гаврилом Головкиным во весь дух пустился в Троицкую лавру, куда поспел через пять часов. К нему на другой же день прибыла туда мать, жена, преданные бояре, потешные и стрельцы Сухарева полка. Утром с ужасом узнала Софья и ее приверженцы о бегстве Петра. Елизарьев со своими товарищами и полковник Циклер, прежде самый ревностный сторонник Софьи, тотчас уехали к Петру и откровенно объявили ему, что давно уже Шакловитый старается подвинуть стрельцов на умерщвление царицы Натальи и приверженных Петру бояр. Петр приказал написать грамоты во все стрелецкие полки, чтобы к 18 августу к нему явились в Троицу все полковники и начальники с десятью рядовыми стрельцами от каждого полка для важного государева дела.

Софья принимала свои меры: расставляла караулы по Земляному городу и приказывала все грамоты, какие будут от Петра, доставлять к ней. Созвав к себе полковников, она грозила им отрубить головы, если они пойдут к Троице. Сама, между тем, видя неудачу своих замыслов, Софья думала примириться на время с Петром и посылала к нему одного за другим двух бояр, Троекурова и Прозоровского, и убеждала брата возвратиться в Москву для примирения. Эти бояре вернулись без успеха. Софья отправила к Троице патриарха Иоакима, но тот сделал еще хуже для Софьи; он остался у Троицы. Патриарх, тотчас после смерти Федора, был сторонником Петра; он только по необходимости согласился на двугосударствие и в душе не был расположен к Софье, тем более, что Софья оказывала благосклонность к врагу патриарха Сильвестру Медведеву и приверженцы царевны поговаривали о свержении Иоакима с патриаршества и о поставлении вместо него Сильвестра.

Царь Петр, не дождавшись стрельцов, которых требовал к Троице, послал в другой раз грамоту в Москву с прежним приказанием явиться к нему всем полковникам и начальным людям с десятью рядовыми из каждого полка, да, сверх того, приказывал явиться из всех московских сотен и слобод всем старостам с десятью тяглецами; на этот раз за послушание обещалась смертная казнь. Пять полковников, много урядников и рядовых стрельцов отправились к Троице. Софья, видя, что борьба с Петром неравна, устроить с ним мировую через других не удастся, сама поехала к Петру, но ее не пустили и приказали воротиться назад из села Воздвиженского.

Вслед за ней прибыл 1-го сентября недавно отехавший из Москвы к Троице стрелецкий полковник Нечаев с требованием выдать Шакловитого, Медведева и других сообщников, на которых указали стрельцы.

Софья до того была раздражена этим требованием, что приказала было отрубить Нечаеву голову, но опомнилась, рассудив, что этим поступком в ее положении она скорее проиграет, чем выиграет. Она собрала стрельцов и говорила им в таком смысле:

«Письма, что привезли из Троицы, составлены ворами. Как можно выдавать людей? Они под пыткой оговорят других, людей добрых; девять человек девятьсот оговорят. Злые люди рассорили меня с братом, выдумали какойто заговор на жизнь младшего царя; из зависти к верной службе Федора Шакловитого, за то, что он день и ночь трудится для безопасности и добра государства, они очернили его зачинщиком заговора. Я сама хотела уладить дело, узнать причину козни и приехать к Троице, а брат, по наущению злых советников, не допустил меня к себе и не велел туда ехать, и я воротилась со стыдом. Сами знаете, как я управляла государством семь лет, приняв правление в смутное время; под моим правлением заключен честный и твердый мир с нашими соседями христианскими государями, враги веры христианской приведены в ужас и страх нашим оружием. Вы, стрельцы, за вашу службу получили важные награды, и я к вам всегда была милостива. Не могу поверить, чтобы вы стали мне неверны и поверили измышлениям врагов мира и добра! Они ищут головы не Шакловитого, а моей и моего брата Ивана. Я обещаю вам награду, если останетесь мне верны и не будете мешаться в это дело, а те, которые будут не послушны и начнут творить смуту, будут наказаны. Помните: если пойдете к Троице, здесь останутся ваши жены и дети...»

Потом Софья позвала к себе толпу посадских и говорила им речь в том же духе. Стрельцов и служилых иноземцев поили вином, даже Нечаеву поднесли водки.

Между тем Петр, не получая ответа от Нечаева, послал снова требование выдать Шакловитого со всеми сообщниками и приказывал служилым иноземцам прибыть к нему к Троице. Генерал Гордон, **начальник иноземцев**, по поводу этого царского приказания обратился к заведывавшему иноземным приказом, князю Василью Васильевичу Голицыну. «Я доложу об этом старшему царю»,— сказал Голицын Гордону. Но Гордон не счел нужным ждать доклада,— он понимал, что Голицын только тянет время, выжидая, не обратятся ли обстоятельства к пользе Софьи. Гордон отправился 5 сентября к Троице со служилыми иноземцами и был принят очень ласково. Петр допустил иноземцев к своей руке и велел им дать по чарке водки.

Переход иноземцев привел дело Софьи еще ближе к печальной развязке. На стрельцов не было надежды. Они похватили подручников Шакловитого, через которых он прежде пытался взволновать стрельцов, и отвезли их к Троице. В числе схваченных главнейший был Обросим Петров, который перед тем уже несколько дней скрывался у пономаря, и чуть только попытался выйти,— тотчас был схвачен. Он во всем сознался еще до пытки.

Ясно, что отозвались Софье и смерть Хованского, и сбор служилых для укрощения стрелецкого своеволия, и грамота, в которой стрельцам поставили в воровство переворот, произведенный ими в пользу Софьи. Не было теперь у стрельцов большого желания отважиться на чересчур смелое дело за ту, которая уже показала им, как она благодарит за услуги и как можно положиться на ее обещания. На московские сотни и слободы еще

менее можно было надеяться Софье, когда стрельцы, люди военные, не шли за ней. Софья с Шакловитым решились попытаться поднять за себя Россию: это уже значило, как говорится, все поставить на карту разом.

Шакловитый изготовил грамоту к людям всех чинов Московского государства от имени Софьи. Правительница приносила жалобу всему народу не на Петра, а на его родственников Нарышкиных: «Они ни во что ставят старшего царя Ивана, забросали его комнату поленьями, изломали его царский венец; потешные Петровы делают людям насилия, а царь Петр никаких челобитных не слушает и пр.». Но этой грамоте не суждено было быть разосланной.

6 сентября, уже вечером, толпа стрельцов явилась перед дворцом и требовала выдачи Шакловитого. Софья думала подействовать на них твердостью и угрозами и сказала повелительно, что не выдаст и что они не должны мешаться в ее дела. «Если нам не выдадут Шакловитого,— закричали стрельцы,— то мы ударим в набат!» Бояре, окружавшие Софью, испугались. «Государыняцаревна,— сказали они,— нельзя им перечить, нельзя спасти Шакловитого; будет бунт; тогда мы все пропадем; лучше его выдать». Софье оставалось послушаться. Шакловитый был выдан и на другой день около часа пополудни привезен к Троице.

Вечером, около пяти часов, в тот же день, прибыл к Троице Василий Васильевич Голицын с несколькими думными людьми. Царь не допустил их к себе. Им велено было ждать решения.

Начались допросы и пытки. Шакловитый сначала во всем заперся, но после первой пытки стал виниться наполовину, а когда его повели пытать в другой раз, то, не допустив до пытки, сознался, что разговаривал со стрельцами о том, как бы произвести пожар в Преображенском селе и убить царицу, однако упорно отрицал умысел на жизнь царя Петра. Шакловитый обвинял в соучастии и Василия Васильевича Голицына.

У Василия Голицына был двоюродный брат Борис, ревностнейший приверженец Петра, любимец его и главный распорядитель, как оказалось, по следствию над заговорщиками. Обвинение в измене ложилось пятном на весь род Голицыных. Заступлению Бориса обязан был Василий Голицын тем, что его, хотя наказали, но за другие вины. 9 сентября он был призван во дворец вместе с сыном Алексеем. Думный дьяк прочитал ему приговор, по которому он лишился боярства и вместе с сыном и семьей сосылался в Каргополь: это постигало его за то, что он мимо царей подавал доклады царевне Софье и, сверх того, за дурные распоряжения во время крымского похода, причинившие разорение государству и отягощение народу. Боярина Неплюева осудили на ссылку в Пустозерск за дурное управление в Севске, где он прежде был наместником; Змеев удален в свои костромские вотчины; прочих простили. Напрасно Василий Голицын написал в свое оправдание длинное объяснение в семнадцати пунктах: царь не читал его.

11 сентября, в 10 часов вечера, против Лавры, у большой дороги, вывели преступников на смертную казнь при большом стечении народа. Шакловитому отрубили голову топором. То же сделали стрельцам: Обросиму Петрову и Кузьме Чермному. Полковнику Семену Рязанцеву велели положить голову на плаху, потом велели ему встать, дали несколько ударов кнутом и отрезали кусок языка. Такому же наказанию подвергли еще двоих.

Наконец Петр отправил к старшему брату **письмо**, в котором представлял, что им обоим, будучи в совершенном возрасте, пора править государством самим, а не позволять третьему лицу, сестре, вмешиваться в правление. Со своей стороны Петр обещался почитать, как отца, старшего брата. Слабоумный Иван не прекословил.

Вслед за письмом Петра отправлен был в Москву боярин Троекуров с приказанием Софье переселиться в Новодевичий монастырь. Софья несколько дней упрячилась и успела еще переслать письмо и деньги своему другу, Василию Голицыну. Наконец в конце сентября она поневоле должна была ехать в монастырь. Ей дали просторное

помещение окнами на Девичье поле, позволили держать при себе свою кормилицу, престарелую Вяземскую, двух казначей и девять постельниц. Из дворца отпускалось ей ежедневно определенное количество разной рыбы, пирогов, саек, караваев, хлеба, меду, пива, браги, водки и лакомств. Царицам и царевнам позволено было посещать ее во всякое время. Она могла свободно ходить внутри монастыря, участвовать в храмовых праздниках, но у ворот постоянно стояли караулы из солдат полков Семеновского и Преображенского. Вдова царя Федора, Марфа Матвеевна, и супруга царя Ивана, Прасковья Федоровна, очень редко посещали Софию, но сестры были с нею по-прежнему дружны и вместе втихомолку ругали Петра и жаловались на свою судьбу.

С падением Софии началась самобытная деятельность Петра, и вместе с тем наступал и новый период в истории России. Внимание Петра, как известно, обратилось на юг: была построена корабельная верфь в Воронеже, и начаты походы на Азов. В январе 1696 года скончался болезненный, слабоумный Иван. Двоевластие кончилось. Азов был взят. Петр начал десятками отправлять своих подданных учиться за границу, а в начале 1697 года решил ехать туда сам инкогнито, под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова, т.е. в том чине, в каком он состоял тогда, начав, для примера другим, военную службу с низшего чина. Его неутомимая деятельность, его недовольство старыми порядками, посылка людей за границу и, наконец, неслыханное до того времени намерение самому ехать учиться у иноземцев, уже возбудили против него злые умыслы. 23 февраля, когда царь, готовясь к отезду, веселился на прощании с боярами у своего любимца, иноземца Лефорта, ему дали знать, что пришел с доносом пятисотенный стрелец Ларион Елизарьев (тот самый, который предупредил Петра о замыслах Шакловитого) с десятником Силиным. Их позвали к царю, и они объявили, что **Иван Циклер, уже пожалованный в думные дворяне, собирается убить царя**. Циклер перед тем только получил от царя назначение построить Таганрог, и был этим недоволен. Оказав важную услугу Петру в деле Шакловитого, он ожидал, что будет важным человеком у царя, и обманулся, так что он сделался врагом царя, которому так услужил в прежние годы.

Циклер был схвачен и под пыткой показал на окольного Соковнина, закланного старовера, брата боярыни Морозовой и княгини Урусовой (признаваемых раскольниками до сих пор за мучениц). Соковнин под пыткой сознался, что действительно говорил о возможности убить государя, так как государь ездит или один или с малым числом людей. Соковнин при этом оговорил зятя своего, Федора Пушкина, и сына его Василия. Вражда к Петру происходила, по их показанию, оттого, что царь начал посылать людей за море учиться неведомо чему. Обвиненные притянули к делу двух стрелецких пятидесятников. Всех их присудили к смертной казни. Циклер перед казнью объявил, что в прежние годы, во время правления Софии, царевна и покойный боярин Иван Милославский уговаривали его убить царя Петра. Петр приказал вырыть из земли гроб Милославского и привезти в Преображенское село на свиньях. Гроб открыли: Соковнину и Циклеру рубили прежде руки и ноги, потом отрубили головы; кровь их лилась в гроб Милославского. Пушкину и другим отрубили головы. На Красной площади был поставлен столп с железными спицами, на которых были воткнуты головы казненных.

Вслед за тем Петр усилил караул у ворот Новодевичьего монастыря, а сам уехал за границу. В то время, как Петр в Голландии учился строить корабли, а потом ездил по Европе присматриваться к иноземным обычаям, в Москве управляли бояре, согласно начертаниям царя. Московским стрельцам пришла тяжелая пора. Прежде они спокойно проживали себе в столице, занимаясь промыслами, величались значением царских охранителей, всегда готовые, как мы видели, обратиться в мятежников. Теперь их выслали в отдаленные города на тяжелую службу и притом на скудном содержании. Четыре полка (Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмерка) были отправлены в Азов. Через несколько времени, на смену им, послали другие шесть полков. Прежние четыре полка думали было, что им позволят из Азова возвратиться в Москву, как вдруг им приказали идти в Великие

Луки, на Литовскую границу, в войско князя Ромодановского. Они повиновались, но в марте 1698 года многим стало невыносимо: сто пятьдесят пять человек самовольно ушли из Великих Лук в Москву бить челом от лица всех товарищей, чтобы их отпустили по домам. В прежние времена случаи самовольного побега со службы были не редкостью и сходили с рук, но на этот раз начальник Стрелецкого приказа, боярин Троекуров, велел им немедленно идти назад, а четырех выборных, которые к нему пришли объясняться, за дерзкие слова приказал сейчас же засадить в тюрьму. Стрельцы отбили своих товарищей, буйнили и не хотели идти из Москвы. Бояре двинули на них солдат Семеновского полка и выгнали из Москвы силой.

Стрельцы воротились к пославшим их товарищам. Ромодановский в это время, по указу, пришедшему из Москвы, должен был распустить всех своих служилых людей, но такое распоряжение не простиралось на стрельцов; их четыре полка велено было расставить по западным пограничным городам, а тех, которые самовольно ходили с челобитной в Москву, сослать в Малороссию на вечные времена. Стрельцы заволновались и не выдали Ромодановскому своих товарищей, ходивших в Москву: Ромодановский, распустив перед тем служилых, не имел возможности схватить виновных стрельцов. Стрельцы, пошумев, ушли, как будто повинуюсь приказанию идти в назначенные им города, и на дороге, на берегу Двины, 16 июня устроили круг. Тут один из ходивших в Москву, стрелец Маслов, стоя на телеге, начал читать письмо от царевны Софьи, в котором она убеждала стрельцов прийти к Москве, стать табором под Новодевичьим монастырем и просить ее снова на державство, а если солдаты станут не пускать их в Москву, то биться с ними.

Стрельцы порешили идти на Москву. Раздавались голоса о том, что надобно перебить всех немцев, бояр, самого царя не пускать в Москву и даже убить его за то, что «сложился с немцами». Впрочем, это были только одни толки, а не приговор всего круга.

Когда в Москве слышали, что идут к столице стрельцы, то на многих жителей напал такой страх, что они с имуществом разезжались по деревням. Бояре, не допуская стрельцов до столицы, выслали против них навстречу войско в числе 3700 человек с 25 пушками. Начальство над этим войском взял боярин Шеин с двумя генералами: Гордоном и князем КольцоМосальским. Высланное боярами московское войско встретилось со стрельцами 17 июня близ Воскресенского монастыря. Сначала Шеин отправил к ним в стан генерала Гордона. Гордон потребовал, чтобы стрельцы немедленно ушли в назначенные им места и выдали бы сто сорок человек из тех, которые ходили перед тем только в Москву: их считали главными зачинщиками бунта.

«Мы,— отвечали стрельцы,— или умрем, или непременно будем в Москве хоть на три дня, а там пойдем, куда царь прикажет».

«Вас к Москве не пропустят. Об этом не помышляйте»,— сказал им Гордон.

«Разве все помрем, тогда в Москве не будем»,— отвечали стрельцы.

Двое старых стрельцов начали объяснять Гордону свои нужды, как стрельцы терпят и голод и холод, как строили крепости, тянули суда, с пушечной и оружейной казной, вверх Доном, от Азова до Воронежа; как им дают месячного жалованья столько, что едва достаёт на две недели, говорили, что теперь они хотят только повидаться с женами и детьми своими. Толпа стрельцов подтверждала справедливость сказанного двумя их товарищами.

«Я советую вам,— сказал Гордон,— чтобы каждый полк особо обдумал и посоветовался о том, что вы делаете». «Мы все заодно»,— возражали ему стрельцы. «Так знайте же,— сказал Гордон,— если вы теперь не примете милости его царского величества, и мы принуждены будем силой привести вас к повиновению, тогда уже не будет вам пощады. Даю вам срок четверть часа».

Гордон отехал в сторону и через четверть часа опять послал к ним за ответом. Но стрельцы стояли на своем.

Шеин отправил к стрельцам Кольцова-Мосальского. Тогда из толпы стрельцов вышел десятник Зорин с челобитной, где, между прочим, говорилось, будто воевода Ромодановский хотел их рубить, неизвестно за что, а в заключение объяснилось, что стрельцы затем пришли к Москве, что в Москве «великое страхование, город затворяют рано вечером и поздно утром отворяют, всему народу чинится наглость; они слышали, что идут к Москве немцы и то знатно **последуя брадобритию и табаку** во всеовершенство благочестия исповержение».

И в стрелецком стане и в стане Шеина отслужили молебны, приготовились к бою.

Шеин послал против стрельцов Гордона с 25 пушками, а между тем кавалерия стала окружать их стан.

Поставивши свои пушки, Гордон два раза высылал к стрельцам дворян с советом опомниться и покориться.

«Мы вас не боимся, — сказали стрельцы, — у нас самих есть сила».

Тогда Гордон приказал дать залп, но так, что ядра пролетели над головами стрельцов.

Стрельцы подняли крик, замахали шапками и произносили имя Святого Сергия. То был их условленный знак.

Тогда Гордон приказал выстрелить по ним из пушек и положил многих на месте. Стрельцы смешались. Гордон дал другой, третий, четвертый залп; стрельцы бросились враспынную. Оставалось только ловить и вязать их. Убито у них было 29 человек и ранено 40.

Тотчас дали знать в Москву; бояре приказали Шеину произвести розыск. Начались пытки кнутом и огнем. Стрельцы повинились, что было у них намерение захватить Москву и бить бояр, **но никто из них не показал на царевну Софью**. Шеин самых виновных приказал повесить на месте, а других разослать по тюрьмам и монастырям под стражу.

Бояре полагали, что суд тем и кончился, но не так посмотрел на это дело Петр, когда к нему в Вену пришло известие о бунте стрельцов. «Это, — писал он Ромодановскому, — семя Ивана Милославского растет...» и тотчас поскакал в Москву.

Царь прибыл в столицу 25 августа, а на другой день 26 в Преображенском селе начал делать то, что так возмущало стрельцов; Петр начал собственноручно обрезать бороды боярам и приказал им одеться в европейское платье, как будто желая сразу нанести решительный удар русской старине, подвигнувшей на бунт стрельцов.

С половины сентября начался новый розыск. Из разных монастырей велено было свезти стрельцов; затем иных разместили по московским монастырям, а других содержали в подмосковных селах под крепким караулом. Число всех содержавшихся стрельцов было 1714 человек 2.

Допрос происходил в Преображенском селе под руководством князя Федора Юрьевича Ромодановского, заведывавшего Преображенским приказом. Устроено было четырнадцать застенков, и каждым застенком заведывал один из думных людей и ближних бояр Петра. Признания добывались пытками. Подсудимых сначала пороли кнутом до крови на виске (т.е. его привязывали к перекладине за связанные назад руки); если стрелец не давал желаемого ответа, его клали на раскаленные угли. По свидетельству современников, в Преображенском селе ежедневно курилось до тридцати костров с угольями для поджаривания стрельцов. Сам царь с видимым удовольствием присутствовал при этих варварских истязаниях. Если пытаемый ослабевал, а между тем нужен был для дальнейших показаний, то призывали медика и лечили несчастного, чтобы подвергнуть новым мучениям. Под такими пытками стрельцы сперва сознались, что у них было намерение поручить правление царевне Софье и истребить немцев, но никто из них не показывал, чтобы царевна сама подушала их к этому замыслу! Петр подозревал сестру и приказал пытать стрельцов сильнее, чтобы вынудить у них показания, обвиняющие Софью. Тогда некоторые стрельцы показали, что один из их товарищей (который в

розыске не оказывался) Васька Тума привез из Москвы письмо от имени Софьи, получивши его через какуюто нищую. Это письмо передано было пятидесятнику Обросимову, а тот передал его стрельцу Маслову, последний читал это письмо перед полками на Двине. Следуя этим показаниям, нашли нищую; но она ни в чем не созналась и умерла в мучениях под пыткой. Взяли кормилицу Софьи Вяземскую и четырех ее постельниц, подвергли их жестоким пыткам. Показания этих женщин были таковы, что из них можно было только, при сильных натяжках, обвинить Софью. Сама Софья, допрошенная Петром, объявила, что никогда не посылала никаких писем в стрелецкие полки. Сестра ее Марфа сказала только, что слышала от своей служительницы Жуковой о желании стрельцов прийти в Москву и возвести на царство Софью. Жукову подвергли пытке; она наговорила на одного полуполковника. Этого в свою очередь подвергли пытке, а Жукова потом сказала, что она его оговорила напрасно. Когда же ее снова стали пытать, она опять обвинила его: это может служить образчиком, какого рода были отбираемые тогда показания.

30 сентября у всех ворот московского Белого города расставлены были виселицы. Несметная толпа народа собралась смотреть, как повезут преступников. В это время патриарх Адриан, исполняя предковский обычай, наблюдаемый архипастырями, просить милости опальным, приехал к Петру с иконою Богородицы. Но Петр был еще до этого нерасположен к патриарху за то, что последний повторял старое нравоучение против брадобрития; Петр принял его гневно. «Зачем пришел сюда с иконою?— сказал ему Петр.— Убирайся скорее, поставь икону на место и не мешайся не в свои дела. Я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Богородицу. Моя обязанность и долг перед Богом охранять народ и казнить злодеев, которые посягают на его благосостояние». Патриарх удалился. Петр, как говорят, собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам в селе Преображенском. Затем длинный ряд телег потянулся из Преображенского села в Москву; на каждой телеге сидело по два стрельца; у каждого из них было в руке по зажженной восковой свече. За ними бежали их жены и дети с раздирающими криками и воплями. В этот день перевешано было у разных московских ворот 201 человек.

Снова потом происходили пытки, мучили, между прочим, разных стрелецких жен, а с 11 октября до 21 в Москве ежедневно были казни; четверым на Красной площади ломали руки и ноги колесами, другим рубили головы; большинство вешали. Так погибло 772 человека, из них 17 октября 109ти человекам отрубили головы в Преображенском селе. Этим занимались, по приказанию царя, бояре и думные люди, а сам царь, сидя на лошади, смотрел на это зрелище. В разные дни под Новодевичьим монастырем повесили 195 человек прямо перед кельями царевны Софьи, а троим из них, висевшим под самыми окнами, дали в руки бумагу в виде челобитных. Последние казни над стрельцами совершены были в феврале 1699 года. Тогда в Москве казнено было разными казнями 177 человек.

Тела казненных лежали неприбранные до весны, и только тогда велено было зарыть их в ямы близ разных дорог в окрестностях столицы, а над их могилами велено было поставить каменные столпы с чугунными досками, на которых были написаны их вины; на столпах были спицы с воткнутыми головами.

Софья, по приказанию Петра, была пострижена под именем Сусанны в том же Новодевичьем монастыре, в котором жила прежде. Сестра ее, Марфа, пострижена под именем Маргариты и отправлена в Александровскую слободу в Успенский монастырь. Прочим сестрам запрещено было ездить к Софье, кроме Пасхи и храмового праздника Новодевичьего монастыря.

Несчастная Софья в своем заключении томилась еще пять лет под самым строгим надзором и умерла в 1704 году.

Сноски**вставить!**:

От этого женщина пожилая свободно обращалась в обществе, и если была умна, то пользовалась даже некоторым значением.

Впоследствии Сумбулов был за это пожалован Софьей думным дворянином; но когда Петр взял верх, Сумбулов удалился в Чудов монастырь.

Тогда же другие стрельцы замучили одного из Нарышкиных, по имени Иван Фомич, в его собственном доме на Замоскворечьи.

Сосланные тогда были, кроме Нарышкиных, двое Лихачевых: постельничий Алексей и казначей Михайло Тимофеевичи; двое Языковых: окольный Павел Петрович и чашник Семен Иванович; сын Матвеева Андрей; двое думных дьяков, один думный дворянин, трое стольников и прежние смененные стрелецкие начальники.

Сын Артамона Матвеева Андрей говорит, что при этом были и цари.

Доносчики в заключение говорили: «Когда Господь Бог все утишит, тогда мы вам, государям, объявимся; имен нам своих написать невозможно; а приметы у нас: у одного на правом плече бородавка черная, у другого на правой ноге, поперек берца, рубец, посечено, а третьего объявим мы потому, что у него примет никаких нет». Подписано: «Вручить государыне Царевне Софье Алексеевне».

Как, напр., замена Разбойного приказа Сыскным.

Таковы были: князь Лобанов-Ростовский и Иван Микулин; они разбивали людей на Троицкой дороге под Москвою; их наказали кнутом.

По известиям раскольников, их сгорело 2700 человек.

См. биогр. «Преемники Богдана Хмельницкого».

Приводим для образчика одно из этих писем: «Свет мой братец Васенка, здравствуй батюшка мой на многие лета и паки здравствуй, Божию и Пресветыя Богородицы и твоим разумом и счастием победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждати, а мне, свет мой, веры не имеется што ты к нам возвратитца, тогда веры поиму, как увижу во объятиях своих тебя, света моего. А что, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я верна грешная перед Богом и недостойна, однако же дерзаю, надеясь на его благоутробие, аще и грешная. Ей всегда того прошю, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, о Христе на веки неизчетные. Аминь». В другом своем письме, писанном в Крым, Софья высказывает ту же горячую любовь к своему любимцу: «Батюшка мой платить за такие твои труды неизчетные радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь; если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою. Письма твои, врученны Богу, к нам все дошли в целости из под Перекопу... Я брела пеша из Воздвиженскова, толко подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, чла идучи, не ведаю, чем его света благодарить за такую милость его и мать его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия, чудотворца милостиваго...»

Никита Гладкий, Кузьма Чермный, Стрижев, Петров и Кондратьев.

С боярином Леонтием Романовичем Неплюевым, окольным Венедиктом Андреевичем Змеевым, думным дворянином Григорием Ивановичем Калачовым и думным дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцевым.

Генерал Гордон в своих записках рассказывает, что Борис Голицын, принявши от Шакловитого последнее признание, не показал его тотчас Петру, чтоб уничтожить из признания то, что касалось Василия Голицына; но Нарышкины донесли об этом царю. Борис извинялся перед царем, что было уже поздно и он по этой причине не показал бумаги тотчас. Петр не лишил его милости и доверия, но царица Наталья и Нарышкины питали к нему за это злобу.

Пятидесятника Муромцева и стрельца Лаврентьева; наказанных сослали в Сибирь.

По показанию Гордона, казнено было до 130 чел., а по монастырям разослано 1845 чел. Из отправленных Шеиным убежало из монастырей 109 чел.